

Ю. И. Ермилов

Художник, иконописец, арт-теоретик, преподаватель Ивановского художественного училища им. М. И. Малютина

ЛГБТ+ и Смерть семьи. «Реализм», сленг и ненормативная лексика: десакрализация искусства и бытия в христианской культуре Западной Европы и России

В статье делается попытка найти связь между явлением современности - движением ЛГБТ и Ренессансным изменением отношения человека к искусству и далее к самому бытию окружающего мира, выражающегося в его постепенном нравственном перерождении.

Ключевые слова: ЛГБТ+, десакрализация, искусство, изображение, Ренессанс, античная эстетика, Христианство, Западная Европа, Россия, Бытие.

В этой актуальной теме присутствует целый ряд сопутствующих подтем и сюжетов, без которых невозможно хотя бы обозначить все необходимые параметры заглавной проблемы. Пришло время вспомнить и нечто заведомо «некультурлогическое» и не искусствозначимое, что, тем не менее, если не влияет на ситуацию непосредственно, то организует мышление целого ряда деятелей современной культуры или псевдокультуры в определенном ключе. Не особо важно, что реально в данном случае присутствует в сознании конкретной личности, или в круге значимых личностей по отношению к некоторым необычным явлениям повседневности, которые как бы не касаются напрямую ни смысла, ни образа изобразительного искусства, ни его рабочих задач. Но из явления десакрализации невозможно исключить то, что ныне именуется ЛГБТ+, что не лишает причинной связи его с древним миром, хотя и менее богатым на множественность форм половых фантазий. Нельзя игнорировать тот факт, что античное сознание как в Греции, так и в Риме, не исключало из собственного бытия бисексуальности и гомосексуализма в женской и мужской формах, и зоофилии, что и отражено в мифах, имеющих культовозначимый уровень. Все эти формы сексуального партнерства не осуждаются греко-

римской древностью и воспринимаются как норма. Античный мир, в отличие от восточных культур далекого прошлого, был более приземленным во всех смыслах, поэтому приобретение человеком какой-либо необычной формы удовольствия ради него самого не представлялось чем-то принципиально противоестественным. Точно так же, искусство классического периода уже не создавало своего собственно художественного мира - ни материального, ни духовного, - а имитировало физиологию низшего порядка анатомически и поведенчески, что и воспринималось тогда как нечто вполне допустимое и иногда даже необходимое.

Ранний христианский мир принял заповеди Ветхого Завета, где все противоестественные формы и способы сексуальных интерпретаций признаны смертным грехом. Этим во многом обусловлено отношение библейского мира к семье, то есть ее обязательное значение для личной и общественной жизни, социального и бытового престижа и условия безгрешия и чистоты перед Богом. Изначальное христианство полностью исключало античную преемственность в русле бытовых привычек, и чтобы это осознать и понять органически, человеку надо было сразу и до конца проникнуться реальным ощущением греха от подобного деяния.

При этом в позднеантичной повседневности продолжало жить широкое поле сексуальной разнуданности среди широких кругов населения как нечто само собой разумеющееся именно как наследие античной ментальности или ее рудиментов. Этот факт можно объяснить уже сложившимся характером подчиненных Риму наций и своего рода повседневной привычкой, чуть ли не обычаем. Поэтому после официального установления Власти Церкви, на территории Италии достаточное количество людей вошли в нее из корыстно-социальных побуждений, не меняя своих, фактически запрещенных навсегда, пристрастий.

Для православного поля культуры и его сложившегося к рубежу первого и второго тысячелетий менталитета подобное явление хотя и не абсолютно чуждо, но и непривычно - до полного неприятия и в итоге - личностного отвращения. И здесь всплывает интересный момент, когда некая простая и ясная истина вдруг приобретает совершенно иной смысл. Так аскетическое требование к монашеству о воздержании от контакта с женщинами начинает сознательно восприниматься буквально, то есть мужчин в подобном виде связи как бы и не подозревают. Что и приводит к соответствующим последствиям, когда для гомолюбца монастырь становится земным «краем» в самом низком смысле. Так же как и для женщины соответствующей ориентации. Для чего же так подробно и назойливо раскрывается этот явно не искусствоведческий сюжет? Известно, что после реформ Петра Великого вся западная культура была принесена в Россию без каких-либо корректур или сокращений под специфику национальных обычаев страны. Поэтому вся область искусства, считающая себя классической, без купюр и трансформаций пришла в российскую жизнь как некая данность, с которой нельзя спорить, и которую никак не следует подвергать сомнению. До сих пор это, неписаное, правило успешно работает и приносит свои неожиданные плоды. Представляя публике шедевры языческого искусства, профессионалы утверждали и утверждают до сих пор, что это – непревзойденные образцы художественного воплощения человеческой красоты. Если точнее, то это - феноменальное умение передать в камне красоту человеческого тела, мужского

и женского, максимально используя возможности мрамора, его полупрозрачность и мерцание. Большинство этих раритетных образцов древнего творчества потеряло к эпохе Ренессанса первоначальный вид, так как были раскрашены при «жизни» «под натуру», часто с инкрустацией глаз самоцветами, что делало их более марионетками или куклами, нежели собственно скульптурой. Венера Милосская, Афродита Книдская, Аполлон Бельведерский и иже с ними сотни и тысячи героев, богов и божков приобрели в сознании ренессансного зрителя неизвестный им самим, этим персонажам, тип красоты, который определил эстетические пристрастия Европы и России до скончания веков. Так возникло чисто изобразительное понятие «чувство материала», которое прочно и навсегда вошло в обиход художников и искусствоведов.

В учебных заведениях искусства в обязательную программу входит рисование с натуры не только статуй Венеры и Дорифора, но и головы Антиноя – возлюбленного римского императора Адриана. Этот момент никак не оговаривается, что означает безусловное принятие зрителем в первую очередь непристойного содержания этой красоты. При данном раскладе появляется как бы естественная логическая хитрость: красота не зависит от ориентации того, кто на нее смотрит и как конкретно ощущает, а существует сама по себе и может трактоваться как угодно, в том числе и не так, как она объективно звучит, как она сама осознает себя явно не физиологическим объектом и не принимает сексуально-эстетической трактовки собственного содержания.

Не случайно в раннехристианской древности возник иконописный канон, впервые в истории мирового искусства решивший задачу символического изображения духовности как таковой и ее же, как знака мистического наполнения души, то есть надмирного, сверхбытового содержания личности через произведение искусства. С тех пор понятие одухотворенности в изображении не связывали обязательно с физической красотой, и если она наличествовала, ее умели показать именно как недвусмысленный знак божественного присутствия в человеке.

К началу эпохи Проторенессанса в общехристианском поле мировосприятия понятие «красота» не имело обязательного внешнего элемента бездуховности и не ассоциировалась лишь с физической привлекательностью. Но понадобилось менее ста лет, чтобы художник, обретая «реализм» в изображении, принял античную внепсихологическую эстетику и полностью перешел к если не греко-римскому, то, как минимум, к бытовому повседневному прочтению заниженного понимания красоты. Одновременно с оживлением природы в изображении шел процесс упрощения межличностного общения, допускающий сквернословие и бытовизм и вместе с ними - упрощение и профанирование профессионального языка. Сквернословие как стойкий рудимент чистого язычества в его буквальной форме к двадцатому столетию прочно заняло широкую лингвистическую нишу, проникнув во все возрастные и социальные группы. Это очевидно из отсутствия образно ориентированной терминологии в арт-теоретике, которая за максимум точности и выразительности принимает литературно построенные рассуждения отвлеченного характера, не пытаясь проникнуть в образную структуру изображения как такового.

Судя по отбору мастерами ренессанса идеальных типажей для изображения, их эстетические понятия «прекрасного» и «безобразного» были намного ближе к современному пониманию физической красоты, нежели к античному, но телесные параметры и сложение пропорций часто копировали античный прототип в готовом виде. Это можно считать своего рода компромиссом между древностью и своим временем, но никак не равновесием между христианством и внецерковной повседневностью. Поэтому так называемый «реализм», понятие, которое тогда еще не было озвучено, вложил в церковное мироощущение одновременно античный и бытовой привкус. Так язычество, помноженное на сиюминутное ощущение мироупорядка в духе сего дня, стало основой для серьезной нравственной трансформации, допускающей в принципе ЛГБТ+ отношения в личной жизни.

В любом случае сообщество ЛГБТ+, независимо от его собственных фантастических деклараций, методично и бесцеремонно

уничтожает исторически сложившуюся семью, основанную на природно-естественных отношениях мужчины и женщины, которые почему-то именуют традиционными, предлагая альтернативные интимные связи под маской их равноправия и законности в человеческом общежитии. По сути это тот же «реализм», расширяющий приложение к бытию нескончаемой серии болезненных желаний и грез, сознательно не трактуемых как всеядность, а интерпретируемых как многообразие реального мира с правом человека на любую самореализацию в любой форме. В таком случае понятие «гражданин» наполняется совершенно иным содержанием, теряя нравственный аспект и сохраняя способность только к материально значимому заданию власти условно на пользу государства. Перспектива любой собственной страны в историческом плане упирается в овладение сообществом ЛГБТ+ всеобщей структурой социума с последующим отрицанием всего обожествленного духовного материала, накопленного человечеством за тысячелетия и столетия героической борьбы за Человека, за его проникновение в мир собственной личности. Именно личности, которая способна не делать то, что ей нравится, и тем самым себя победить, в отличие от индивидуальности, которая является рабом собственных и несобственных страстей и маниакальных претензий. «Делай все, что ты хочешь, и будешь счастлив!» - предел мечтаний сегодняшних «реалистов».

Современные упреки Западу в его измене христианским принципам в нынешнем веке, скорее всего, не обоснованы. Подобное явление уже было заложено в ренессансном восприятии мира как Божьего творения, и хотя это отношение к практически допустимому не формулировалось вслух или через текст, то, как естественное юридическое право в повседневности жило и даже процветало. Христианские принципы довольно быстро приобрели формально-юридический статус в широчайшем пространстве бытия. Католические запреты носили двойственный характер и часто напоминали церковные изображения, имеющие святость лишь в эмблематических атрибутах, будучи при этом полностью лишены сакрального звучания. Художники Ренессанса в большинстве своем имели свое отношение к плотскому греху в

разных формах. Им это всегда прощали или закрывали глаза на их антихристианские привычки и пристрастия. И это делалось для того, чтобы позволить им свободно и без помех творить на славу католической Церкви, работая над священными сюжетами и осваивая сакральное содержание христианских образов в своем собственном прочтении. К восемнадцатому столетию в Европе и России уже не осталось официального искусства с реально сакральным мироощущением. За редким исключением оно несло сильнейшие элементы разнуданной внешности и демонстративного равнодушия к безгрешию и духовной чистоте персонажа. Появилась мода на тип и метод изображений, который вполне законно можно назвать антисакральным. Вместе с этим процессом прибавлялось чувство нравственной необязательности по отношению к поведению человека и переход к правовой защите извращений как к внутреннему миру личности, до которого никому нет дела

ЛГБТ+ можно понять как исторически сложившееся и зафиксированное, но совсем не исторически закономерное, то есть неизбежное, социально обусловленное явление. Оно, скорее всего, вызвано биологическими и космическими причинами, как войны и агрессия, периодически вспыхивающие в жизни человечества по «вине» расположения планет и периодической солнечной активности. Попытки объяснить нравственную законность и моральное достоинство этой группы населения Земли являются, искусственными и преследуют нескрываемую цель – сократить население планеты «гуманными» способами. А попытка сделать их приоритетными личностями, социально и профессионально предпочтительными в общечеловеческом поле бытия, откровенно протivoестественна и антигуманна, а с позиций гражданского права надуманна.

Постепенное опрощение запросов и задач именно «реалистического» искусства шло одновременно и с опрощением быта и всего культурного поля за счет их освобождения от груза духовности. Тотальное наращивание количества всего, что потребляет человек, не привело к обогащению его речи или к спецификации изоощренного «товарного» языка. Индивидуальные склонности получили правовое уважение общества, по

капле прибавляя все ранее запретное или постыдное. И при увеличении комфорта (не удобства!) во всех областях бытия, на всех уровнях, язык, оценивающий эти «комфорты», перешел практически в сленг и сквернословие, которые устанавливают качество предмета или явления через сравнение с половыми органами и процессом соития. И хотя сквернословы часто противопоставляют себя «геям» именно как выразителей реального мужества, по сути они являют собой суету и многословие одного и того же свойства.

Многие гении Ренессанса были ЛГБТ – ориентированными и скрывали свои пристрастия, опасаясь суда и его последствий. Так сложилась стойкая практика изобразительного лукавства, использующего в картинах компромиссное звучание внутренней сексуальной проблемы, слегка прикрытой конфессиональной атрибутикой. Как известно, многие изображения св. Себастьяна, пронзенного стрелами, почитались как гомосексуальный идеал, что само по себе как минимум кощунственно. Использование мастерами кисти блудниц и проституток для образов Девы Марии и иных святых женщин католического Пантеона вообще необъяснимо с позиции Церкви: получается, что художник использует натуру лишь как болванку для распределения грамотной светотени и не более того. Но и это совсем не так! Художник практически всегда оставлял на холсте внешнюю суть самого образа натуры, сохраняя его специфические черты и не внося в них никаких коррективов. Подобная практика стала постепенно академическим правилом в искусстве, где персонаж подбирался только по внешним параметрам формальных признаков. Получалось так, что такое понимание реализма допускало наличие в картине любого реального содержания при любой физической оболочке.

Десакрализация жизни самой Церкви и на Западе, и на Востоке прошла через постепенное перерастание веры в религиозность и далее – в конфессионализм, что привело к обезвериванию и расхристианиванию всей культовой системы, отвергшей собственную изначальную чистоту духовности через Откровение. Этот процесс шел в двух направлениях, навстречу друг другу. Церковь, отказавшись от иконописи, шаг за ша-

гом приняла искаженный «реализмом» облик святости, сохранивший лишь формальные атрибуты конкретных персонажей, превратившихся в эмблемы. Навстречу шло движение самих художников, прибавлявших с каждым новым образом легко читаемый элемент бытовизма и случайности, имитирующих жизненность в ее сугубо повседневной трактовке, иногда в скандальной или спорной форме.

Сейчас мы видим невооруженным глазом массовое отсутствие желания иметь детей или просто нормальную семью, даже хотя бы брак. Этот патологический процесс активно поддерживается системой потребления, которая нашла наивысшее выражение в явлении ЛГБТ+ как возможности достичь

невозможного по природе. Принцип получения максимума удовольствий от жизни отвратил человека от возможности поступка или волевого решения даже простейших проблем. В становлении этого драматического процесса важное место принадлежит десакрализации как самого собственно священного пространства, так и всего бытия в целом. К сожалению, этот процесс, скорее всего, необратим. И, наверное, главная задача сейчас – обеспечить приверженцам традиционных ценностей стойкую правовую защиту и возможность жить и творить просто по-человечески.

©Ермилов Ю. И., 2022